

Колесов В.И. Из «Рум-миллет» в российские инородцы: начало процесса группообразования горских греков Северо-Западного Кавказа (первая половина XIX в.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 92–102.

Kolesov V.I. From “Rum-Millet” to Russian “Inorodtsy”: Beginning of Group Formation of Mountain Greeks in the North-Western Caucasus (first part of 20th century) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 92–102.

УДК 94(37)

Е.В. Литовченко, С.В. Шилина
Белгород, Россия

ПАТРОНАТ И ЭВЕРГЕТИЗМ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЧИНЕНИЙ АВТОРОВ V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI вв.)

Аннотация. В данной статье рассматриваются два явления позднеантичного общества: патронат и эвергетизм. Проводится анализ фактов, свидетельствующих о континуитете в сфере патронатных отношений в период поздней Античности, раскрывается специфика и динамика феномена эвергетизма, а также на основе произведений писателей латинского Запада V – первой половины VI вв. выявляется соотношение этих двух явлений. В статье подробно описываются отношения «патрон–клиент», перечисляются права и обязанности обеих сторон, приводятся конкретные примеры предоставляемых клиентам услуг. В исследовании также дается определение явлению «эвергетизм», раскрываются его характерные, отличающие от патроната, черты. Эвергетизм, в отличие от патроната, лишен взаимовыгодного характера, т. е. фактически это явление приближено к благотворительности. Благодаря приведенным фактам и конкретным примерам, а также по свидетельствам позднеантичных писателей авторы данной статьи приходят к выводу о том, что традиция клиентелы сохранилась в почти неизменном, «классическом», виде, а явление эвергетизма трансформировалось из античной формы в христианскую благотворительность.

Ключевые слова: патронат; эвергетизм; патрон; клиент; аристократия; поздняя Античность; благотворительность.

Сведения об авторах: Елена Викторовна Литовченко, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории¹; Софья Викторовна Шилина, аспирант кафедры всеобщей истории².

Место работы: ^{1,2}Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Контактная информация: ^{1,2}308007, Белгородская область, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14, к. 4, тел.: 89103244211, 89087841309; ¹e-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru; ²sony_alyмова@mail.ru.

Благотворительность или поддержка власть имущими нуждающихся граждан – явление, в той или иной мере присущее любой эпохе и выступающее, на наш взгляд, одним из факторов стабильности общества. Однако, данным феноменам, как и целому ряду других, не менее важных для общественного бытия, в разные времена присуща своя специфика, выявление которой позволяет составить целостное представление о конкретном временном отрезке. Кроме того, пристальное внимание исследователей сегодня сосредоточено на так называемых «переходных» периодах, в числе которых и поздняя Античность. Динамика «классических» явлений в переходные периоды представляет большой интерес в плане конструирования стратегии выживания в кризисное время, поскольку полученные выводы, с поправкой на современные реалии, могут быть полезны и в настоящий момент.

Цель исследования – анализ фактов, свидетельствующих о континуитете в сфере патронатных отношений в период поздней Античности, определение специфики и динамики феномена

эвергетизма, а также соотношения этих двух явлений.

Методологическим ориентиром данного исследования является просопографический подход в интерпретации британского историка Кэтрин Китс-Рохан, тесно связывающей его с биографией и генеалогией: «Просопография – это, по сути, то, что может рассказать нам о различных типах связей между людьми, анализ совокупности данных о деятелях прошлого, и, следовательно, о том, как они функционировали в социальных, политических, экономических, духовных институтах своего времени»¹ (Keats-Rohan 2000: 2). В данном случае нас интересует определенный вид связи – отношения патроната и эвергетизм в поздней Античности.

В качестве основных источников использовались произведения писателей латинского Запада V – первой половины VI вв., времени до 476 г., когда произошло резкое изменение в политической расстановке сил, и полвека спустя. В течение

¹ Подробнее об этом см.: (Prosopography Approaches 2007).

этого периода мы наблюдаем процесс трансформации имперского пространства в «постимперское», характеризующееся большой степенью локализации и обособления территорий. Так, влиятельные галльские сенаторы, даже когда их связи с Италией и имперским правительством ослабевали, продолжали, тем не менее, преследовать те же идеалы, цели и амбиции, что и сенаторы всей империи. Однако одним из краеугольных камней их образа жизни стало отстаивание местных интересов (Mathisen 1993: 57–58). Здесь мы имеем в виду, в первую очередь, тех авторов, властные полномочия которых в той или иной степени осуществлялись в пределах их провинций, а взгляды и этапы деятельности зафиксированы в обширной переписке: Сидоний Аполлинарий (430–486), Руриций Лиможский (440–510), Авит Вьеннский (470–517(519)), Эннодий Павийский (473(474)–521) и др. Все они обладали немалой духовной властью на своей территории, являясь епископами, а учитывая нестабильную ситуацию того времени, исполняли и административные функции, т. е. фактически управляли местным обществом². В конечном счете епископы стали настолько влиятельными на местной арене, что их часто рассматривали как логических преемников римских имперских чиновников. Действительно, само выживание города в эти смутные времена могло зависеть от наличия сильного епископа (Mathisen 1993: 78–79).

Кроме того, степень преданности местному епископу была значительно выше той, что отводилась в прошлом светскому патрону, ибо епископ оказывал влияние не только на материальную, но и на духовную жизнь своих клиентов. Авторитет епископа наделял его личность и характер аурой влияния и неуязвимости, которой не владел ни один светский властелин. Более того, епископ после своей смерти часто получал статус святого. Так что его идеи продолжали жить (Rur. Ep., 2.3, 2.39: «*patronum haberetis ex filio*»).

Касаясь вопроса о патронате в позднеантичную эпоху, необходимо в первую очередь определиться с тем, что в целом представляет собой данное явление. Патронат в древнеримском обществе выступал в качестве особой формы социальных отношений, представлявшей собой покровительство по отношению к более бедным гражданам со стороны богатых и обеспеченных. Богатого гражданина называли патроном, а перешедших под его покровительство – клиентами. С одной стороны, это неуклонно вело к попаданию

бедных римлян в зависимость, а с другой – предоставляло им средства к существованию (Cornell, Lomas 2002: 39). В связи с этим патронат следует понимать не только как форму зависимости, но и как форму социальной поддержки. В поздний период существования Римской империи под покровительство богатых римских граждан переходили отдельные поселения и даже города. Данный феномен получил название «патроциний» (*patrocinium*)³, однако в настоящем исследовании не является предметом изучения.

Отношения «патрон–клиент» можно расценивать как один из инструментов, поддерживающих стабильность в римском обществе. Необходимо отметить, что обе стороны несли определенные обязательства. Патрон был обязан обеспечивать клиента одеждой, пропитанием, иногда деньгами. В домах патронов в определенный день недели, который назывался клиентским, устраивались специальные обеды и раздачи денег. Кроме того, патрон всегда охотно оказывал поддержку клиентам и в плане их продвижения по социальной лестнице, ведь если клиенту удавалось занять сколько-нибудь значимую должность, то это сулило значительные выгоды патрону. Клиент, в свою очередь, был обязан поддерживать своего патрона во время народных собраний, при необходимости сопровождать и охранять его, оказывать всевозможную иную помощь, прославлять. Система клиентелы фиксировала социальное неравенство, характеризовалась иерархичностью и асимметричностью структуры (Winterling 2009: 35) и представляла собой разветвленную сеть отношений, охватывающую большинство членов общества, так как патрон сам мог быть обязанным кому-то, более высокому по статусу, также как клиент мог иметь несколько патронов, чьи интересы иногда пересекались (Литовченко 2015: 159). Таким образом, специфика патронатных отношений заключалась в их иерархизированности и взаимовыгодности, и одна из наших задач – проанализировать модель данных общественных отношений в позднеантичный период на предмет динамики основополагающих черт клиентелы.

В период поздней Античности покровительство или протекционизм по-прежнему занимали центральное место в политической, социальной и духовной сферах жизни римского общества. Ярким примером может служить корреспонденция Симмаха: из 198 писем первых двух книг 62 (т. е. около трети) являются письмами-рекомендациями разного рода. Подобная информация содержится также в письмах Сидония (Sid. Ep., I, 9, III,

² Подробнее об этом явлении см.: (Andreassen 2010; Arnheim 1972; Bowersock 1986; Breukelaar 1994; Gilliard 1984: 153–175; Heather 2001: 437–468; Lizzi Testa 2009: 525–539; Mathisen 1979; Patzold 2014: 523–543 et al.).

³ Подробнее об этом см.: (Коптев 1995: 100–132; Неронова 1983: 221–239; Marcone 2008: 361–363).

4, IV, 9, 24, VI, 4, 5, 8, VII, 2, 6, 8, 9, VIII, 6, 5), Руриция (Rur. Ep., 2.1, 2.3–2.5, 2.15, 2.50, 2.62), Авита (Avit. Ep., 10, 11, 45, 48) (Литовченко 2015: 160).

Впрочем, даже ориентируясь только на количество писем, так или иначе затрагивающих вопросы, связанные с клиентскими отношениями, мы фиксируем их резкое уменьшение: у Симмаха во второй половине IV – начале V вв. (умер в 402 г.) такого рода посланий, по крайней мере, в пять раз больше, чем у Сидония. Это объясняется тем, что круг знакомых Симмаха не был ограничен пределами одной провинции, как у более поздних авторов, переживших падение Западной Римской империи и все предшествующие и последующие события, характеризующие нестабильную ситуацию на бывших римских территориях с разладившимся почтовым сообщением, не лучшим состоянием дорог и промышляющими на них разбойниками (Sid. Ep., VI, 4; Rur. Ep., II, 64).

Преследуя местные интересы, провинциальная аристократия стремилась иметь как можно больше власти, влияния и авторитета (*potentia* или *potestas*) на своих территориях. Для них был важен их социальный статус и, пожалуй, они смирились с тем, что этот статус значителен не в масштабах империи (это касается Сидония); другие же (их активная деятельность пришлась на последнюю четверть V – первую половину VI вв.) никогда и не помышляли об этом.

Тот факт, что количество клиентов по-прежнему выражает могущество патрона, подтверждают многочисленные свидетельства. Например, Павлин Пеллейский, описывая свое положение в начале V в., заявлял: «показателем моего процветающего положения была, в немалой степени, окружающая меня почтительная толпа и поддержка клиентов» (Euch. 436–437). Люди подобного рода не только обладали наибольшим влиянием в обществе; они также использовали свое положение таким образом, чтобы все знали об их обширных возможностях (Mathisen 1993: 98–99).

Члены знатных римских фамилий в позднеантичную эпоху были окружены толпой последователей и иждивенцев, известных как клиенты, даже более чем в период ранней Империи. Аммиан Марцеллин пишет об этом, отмечая, что римские нобили ходили по улицам Города только в сопровождении клиентов (Amm. Marc., XIV, 6, 12–17). Сидоний также указывает на этот обычай: аристократы, чьи дома он часто посещал, не покидали своего жилища, пока не наберется достаточная толпа клиентов (Lançon 2001: 63). В тринадцатом письме второй книги Сидоний сообщает нам, что Петроний Максим, известный своим 78-дневным правлением (17 марта – 31 мая

455 г.), был славен прежде всего «...обширным патронажем...» (Sid. Ep., II, 13, 4). Также позднеантичный литератор пишет о почти обязательном участии клиентов в трапезе (Sid. Ep., IV, 9, 1) и о некоторых обязанностях клиентов, наиболее распространенных в то время (Sid. Ep., III, 4, VI, 5)⁴.

Иерархичность клиентской структуры также можно проследить по письмам Сидония, поскольку он сам был патроном по отношению к нижестоящим по социальной лестнице и, одновременно, клиентом у более богатых и могущественных.

Так, должность префекта в 468 г. Сидоний получил благодаря покровительству римского сенатора Базилия, известного, в том числе, и своей обширной клиентелой: «Если кто-либо покидал его дом в какой-то момент, то он делал это, сопровождаемый целой толпой клиентов, напоминавшей человеческий поток, под давлением которого любой мог быть просто “выжат” на улицу» (Sid. Ep., I, 9). Базилий посоветовал ему воспользоваться своими литературными талантами и сочинить панегирик императору Антемию. Совет оказался дельным, и Сидоний получил вожделенный пост (Sid. Ep., I, 9).

В других случаях Сидоний выступает в качестве патрона, например, по отношению к своим друзьям Турпиону и его сыну Турну (Sid. Ep., IV, 24). В данных обстоятельствах Сидоний играет роль посредника между Турпионом, занявшем определенную денежную сумму в прошлом у другого знакомого Сидония, Максима, который на момент написания письма исполнял обязанности священника в Лерине. Сидоний просит об отсрочке выплаты кредита в связи с болезнью Турпиона и не только договаривается об этом, но и получает заверения от Максима в том, что он не будет требовать погашения процентов, удовольствовавшись только основной суммой долга. Присутствуют в корреспонденции Сидония и письма-рекомендации (Sid. Ep., VI, 5, 8). В восьмом письме шестой книги Сидоний просит епископа Грека взять под патронаж неудачливого, но честного торговца, имя которого автор письма не называет. В другом послании Сидоний хлопочет перед епископом Ефронием за Симплиция, представителя позднеимперского нобилитета, подобного главе церковной организации Клермона, в качестве будущего главы церкви Буржа (Sid. Ep., VII, 8). В судьбе Симплиция Сидоний принял самое деятельное участие, выступив с речью перед жителями Буржа в поддержку его кандидатуры на пост епископа.

⁴ Чаще всего это были поручения, связанные с доставкой посланий друзьям, когда клиент использовался в качестве *cursor* или *nuntius*, т. е. посыльного.

В шестом письме восьмой книги Сидоний свидетельствует о сохранении такого обычая, связанного с функционированием института клиентелы, как раздача спортулы (Sid. Ep., VIII, 6, 5). В целом, в числе услуг, предоставляемых клиентам, присутствовали: помощь в судебных разбирательствах, примирение между ссорящимися родственниками, рекомендательные письма и посредничество с другими властителями (*potentates*) (Sid. Ep., II, 5, III, 9, 10, IV, 22). В корреспонденции Руриция также упоминается такая специфическая форма патронатных отношений как посредничество при заключении брака. В одном из писем к будущим родственникам его сына, Намацию и Церонии, Руриций обсуждает размер брачного дара (*donatio nuptialis*), при этом выясняется, что обсуждаемый брак был осуществлен при помощи посредника, некоего священника Постума, которого Руриций величает «наш взаимный покровитель» (*patroni communis domni Postumini*) (Rur. Ep., 2.2).

Авит Вьеннский в своих посланиях также свидетельствует о клиентеле как о распространенном явлении, консервирующем «классический» вариант патронатной связи (Avit. Ep., 10, 45, 48). Встречаются в его корреспонденции и рекомендательные письма: «Помогите человеку, который уже вам обязан за свою должность, “поднять” своего сына, чтобы он был еще в большем долгу» (Avit. Ep., 48).

Такого рода «посреднические» или рекомендательные письма не были редкостью в позднеантичный период и практически ничем не отличались от писем Плиния Младшего I–II вв. н.э. или Симмаха, большая часть из которых была написана во второй половине IV в.: «Дузариус, *vir clarissimus*, совершенно справедливо достигший высочайшего ранга среди профессоров медицины, хотел бы, чтобы его родственник и тезка был представлен тебе как патрону по моей рекомендации. Я рад удовлетворить эту просьбу человека, весьма близкого мне, и свидетельствую свое почтение тебе пожеланиями здоровья и благосклонности к нему. Будь добр проявить заботу о рекомендованном мною человеке, в качестве достойной замены моему личному общению с тобой» (Symm. Ep., 3.97).

Анонимный автор «Поэмы о провидении Божьем»⁵ (*Carmen de Providentia Divina*) упоминает о выгоде, которую извлекали лица, наделенные властью: «Обычно принято называть благословенными тех, кто, благодаря своему авторите-

ту (*potestas*), занимал самые высокие должности и обладал имуществом, приносящим огромную прибыль. Все восхищаются дорогой одеждой и красивой мебелью, роскошными поместьями, бесчисленными рабами и внимательными клиентами» (Carm. de prov. Div. 860–865). Сходство между этими привилегиями и теми, которые укрывали аристократов в целом, конечно, неслучайно. Ибо без *potentia* никто не мог надеяться на достижение или сохранение аристократического статуса (Mathisen 1993: 58–59).

Стремление патронов преследовать исключительно местные интересы частично вызвано отсутствием возможности занимать имперские должности. Кроме того, необходимо принимать во внимание разницу в общественной ситуации в средиземноморском мире в зависимости от того, к какой границе рассматриваемого периода близок тот или иной автор. Если мы будем опираться на свидетельства Симмаха, наиболее близкого к нижней границе периода, когда еще сохранялось имперское единство, то получим картину совсем иного рода, нежели, следуя за Рурицием, Авитом, или Эннодием, представлявшим время после падения Западной Римской империи, вплоть до конца первой четверти VI в. В эту нестабильную эпоху, характеризующуюся невероятной подвижностью государственных образований и их границ, мы наблюдаем процесс локализации потомственной римской аристократии в пределах бывших римских провинций, ныне – варварских королевств.

Именно поэтому быть *potens* в частной жизни становилось все более почетным занятием. Однако самые влиятельные и амбициозные властители все еще считали, что состоять на государственной службе будет полезным дополнением в стремлении к местной власти (Schlumberger 1989: 99). Тем самым, находясь при исполнении служебных обязанностей, они должны были помогать своим родственникам-аристократам, не занимавшим служебных постов (Arnheim 1972: 6–7). Когда в начале 470-го г. друг Полемий стал префектом претория Галлии, Сидоний написал ему: «Ты, конечно, помнишь, что в то время, когда ты состоишь на государственной службе, ты никогда не должен забывать о личной милости» (Sid. Ep., II, 3, III, 6, IV, 14, V, 18). В общем, мелкие местные патроны могли надеяться на то, что они будут пользоваться привилегиями их более влиятельных собратьев, за это они готовы были даже сносить унижение, о чем нам сообщает Фавст Регийский, настоятель Леринского монастыря, а впоследствии епископ города Рьеза в Южной Галлии: «Даже если какой-то влиятельный человек (*potens*) оскорбит наше достоинство, мы не осмелимся ответить ему тем же. Почему

⁵ Авторство иногда приписывалось Св. Просперу Аквитанскому, создателю Хроники Проспера Аквитанского (*Prosperi Tironis Epitoma Chronicon*), но данная гипотеза не получила веских доказательств (White 2000: 114).

нет? Дабы не получить от этого влиятельного человека еще более серьезного унижения... Если же равный или, возможно, нижестоящий по статусу человек злоупотребляет нами... Мы непременно мстим за нашу обиду» (Faust. Sermon 21, 232–236).

Эвергетизм как явление в чем-то схож с патронатом, но, безусловно, имеет свои особенности. Феномен эвергетизма изучен в меньшей степени, чем патронат, как в зарубежной, так и в отечественной историографии⁶. Вероятно, это объясняется тем, что под влиянием распространяющегося христианства античный эвергетизм сливался с христианской благотворительностью.

Под античным эвергетизмом понимается позиция, занимаемая богатыми гражданами, воспринимаящими участие в управлении не только и не столько как право, но и как определенную обязанность. В связи с этим в своей политической деятельности они прибегали к использованию личных средств: строили за свой счет бани, амфитеатры, сооружали различные монументы, устраивали грандиозные представления (в том числе гладиаторские бои) и мн. др. (Вен 2003: 50).

Очевидно, что патронат и эвергетизм – не одно и то же: патроны были готовы, когда это необходимо, накормить своих клиентов, оказать им юридическую, финансовую помощь и другие подобные услуги. Почти любой богатый человек являлся частным патроном, с кругом клиентов и иждивенцев, которым он предоставлял материальные блага (включая еду из своих запасов). Патрон был покровителем, но не обязательно эвергетиком. Щедрость благодетеля-эвергетика проявлялась в интересах населения в целом, а не только его личных клиентов.

Отличительной чертой эвергетизма также был его более или менее добровольный характер. Обязательство совершения благодеяния было моральным, а не установленным законодательно. Кроме того, система эвергетизма давала возможность более богатым и амбициозным людям получить преимущество над своими соперниками в конкурентной борьбе за честь и престиж в отдельно взятой местности (Garnsey, Whittaker 2008: 330–332).

Таким образом, специфика эвергетизма состоит в том, что благодеяние направлено не на конкретного человека – клиента, а на общество в целом, вследствие чего не имеет обратной связи,

лишено взаимовыгодного характера, т. е. фактически это вариант античного благодеяния, весьма приближенного к благотворительности. Безусловно, нельзя игнорировать тот факт, что посредством разного рода благотворительных акций складывалось положительное общественное мнение о человеке, который их осуществлял. И если последнее не имело значения для христианства («...когда творишь милостыню, не труби перед собою...» (Мф. 6.2)), то для епископов из аристократии общественное признание традиционно считалось показателем их власти, что в наибольшей степени роднит античный эвергетизм с патронатом.

В то же время эвергетизм схож и с христианской милостью, о чем мы уже упоминали выше. В Ветхом Завете содержатся предписания желаемого для христианина поведения в этом плане: «...к бедному ты будь снисходителен и милостыню ему не медли; ради заповеди помоги бедному и в нужде его не отпускай его ни с чем. Трать серебро для брата и друга и не давай ему заржаветь под камнем на погибель; располагай сокровищем твоим по заповедям Всевышнего, и оно принесет тебе более пользы, нежели золото; заключи в кладовых твоих милостыню, и она избавит тебя от всякого несчастья...» (Сир. 29.11–15). Слова Апостола Павла подтверждают добровольность пожертвований, идущих от сердца: «Каждый уделяет по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор. 9:7).

Можно констатировать, что в переходное позднеантичное время мы наблюдаем одно из уникальных явлений – слияние концепций античного эвергетизма и христианской благотворительности. Следствием упрочения христианской церкви в качестве доминирующей в позднеантичном городском обществе становится религиозный контекст благодеяний богатых людей, а затраты на традиционные гражданские памятники, удобства и услуги сокращаются. Значительно увеличиваются расходы на церковные здания и их оформление, а также периодическую реконструкцию и ремонт. На наш взгляд, это и есть эвергетизм позднеантичного образца, поскольку при этом создавались рабочие места для безработных, а церковные здания предназначались всему населению, все в большей степени христианизирующемуся. Кроме этого, христианская церковь уже активно практиковала и раздачу благотворительной милостыни под наблюдением высшего духовенства. Епископы в силу своей должности контролировали ресурсы и распределяли их среди бедных, вдов и сирот (списки которых сохранились, по крайней мере, в таких крупных городах, как Рим и Иерусалим). Епископы, таким образом,

⁶ Термин «эвергетизм» (в переводе с греческого *εὐεργετέω* означает «я делаю добро») впервые употребил французский исследователь Андрэ Буланже, имея в виду явление, характерное для практики состоятельных или высокопоставленных лиц, распределяющих часть своего богатства всему сообществу, а не отдельным лицам, в отличие от клиентелы. Об эвергетизме см.: (Cornell, Lomas 2002; Kalinowski 1996; Zuiderhoek 2009).

стали покровителями автоматически и *ex officio* (Garnsey, Whittaker 2008: 330–332).

Итак, христиане должны были следовать складывающейся церковной традиции милосердия, однако, необходимо было решить вопрос о размерах оказываемой адресной помощи. Два античных сочинения со схожими названиями «Об обязанностях» позволяют нам высветить контраст между классическим эвергетизмом и христианской благотворительностью – *De Officiis* Цицерона, написанное в середине I в. до н.э. для его сына, и *De Officiis Ministrorum* Амвросия Медиоланского, IV в. н.э., предназначенное для его духовных сыновей, клира. Труд Амвросия является фактическим переложением работы Цицерона, «приспособленным», по словам С.Л. Утченко (Утченко 1993: 165), к нуждам священнослужителей, но содержит другие вопросы. Должны ли мы продавать церковное серебро, чтобы выкупить из плена наших сограждан? Безусловно, Амвросий говорил, что должны, и делал это, хотя его оппоненты считали, что он стремится к демонстрации своего превосходства над знатными родами, чьи имена красовались на пожертвованном церкви серебре. Предписывает ли учение Христа отдавать все, что мы имеем? Еще в конце II – начале III вв. н.э. Климент Александрийский в своей работе «Кто из богатых спасется» (*Quis dives salvetur*) подчеркивал, что христианин, который дает умеренно, более полезен для общества, чем тот, кто раздает бедным все, чтобы стать очередным именем в епископском списке благотворителей (Clark 2011: 37). Примеров подобного рода помощи в позднеантичный период немало: сын Эпархия Авита Эктиций около 470 года, например, предоставил колоссальную помощь голодающим (Greg. Tur. Hist., Fr. 2.24). Аристократка Евгения Марсельская (Martindale 1980: 416) накормила голодных, а нобили Фирмин и Григория из Арля (*Vita Caes.*, 1.8), потратили свое богатство на бедных. Влиятельные миряне также участвовали в выкупе пленных.

Как считает британский историк Джиллиан Кларк, епископ как источник поддержки, не только моральной, но и материальной – «позднеантичное новшество», включающее концептуальное противопоставление позиции «классического» благотворителя, отдающего свои средства в обмен на славу и престиж в городском сообществе, и христианского епископа, жертвующего материальные средства нуждающимся прихожанам в обмен на почитание Церкви, молитвы за бедных и воздаяние в виде восхождения в рай (Clark 2011: 38). Многие епископы поощряли практику систематических пожертвований в пользу церкви и монастырей, которые, в свою очередь, продолжали оказывать помощь голодающим или предос-

тавлили земли в аренду. Священники несли ответственность за имущество и заботились о бедных. Христианский поэт Пруденций в конце IV в. описал случай с Лаврентием, священником (архидиаконом римской христианской общины), преданным мученической смерти в Риме в середине III в. Император Валериан потребовал отдать ему всю церковную казну, и Лаврентий попросил три дня, чтобы собрать средства. Он продал все имущество, раздал богатства бедным и через три дня привел к императору толпу нищих и обездоленных со словами: «Вот истинное достояние Церкви!» Разгневанный правитель велел поджарить дерзкого священника на медленном огне. Говорят, что стойко перенося мучения на раскаленной решетке, святой произнес знаменитую фразу: «Эта сторона уже готова, переверните на другую».

Так оформлялась христианская благотворительность, значительное место в которой, кроме раздач бедным, занимала деятельность, связанная с постройкой и ремонтом церковных зданий и монастырей (Sid. Ep. 3.12, 4.15.1, Venant. Carm., 6.5), финансирование разного рода церковных церемоний (Avit. Ep., 50, 64), игравших серьезную роль в рассматриваемый нами период в качестве противовеса развлечениям языческого толка, все еще пользующимся популярностью, с которыми Церковь активно боролась. В постройку и отделку церковных зданий вкладывались большие средства, и это, безусловно, объясняло то впечатление, которое они производили на прихожан своим убранством: сооружения «были наполнены светом и цветом, с многочисленными масляными лампами, расположенными среди отражающих свет серебряных чаш; занавесями из дорогих тканей, расшитых золотом, разноцветным мозаичным покрытием, переливающимся на свету, с ликами святых, благотворителей, библейскими сюжетами, выложенными мозаикой на полу и стенах» (Clark 2011: 54).

О строительстве зданий (по большей части церквей) мы узнаем как из писем, так и из надписей на самих зданиях, если таковые сохранились (по крайней мере, многие надписи зафиксированы в разного рода письменных источниках). Какую цель преследовали в позднеантичное время, высекая хвалебные надписи о людях, финансировавших строительство и транслируя их в своих литературных произведениях? Помимо очевидного стремления противостоять усилиям времени, избегая забвения, была и еще одна важная цель – восхвалять великих людей прошлого, чтобы подстрекать ныне живущих к подобной добродетели (Procop. De aed., I, 2). Это сентенция Прокопия в честь Юстиниана, правда, византийский писатель связывал эти вопросы напрямую с патронажем,

отмечая, что история показывает, как те, кто получал пособия, проявляли благодарность по отношению к своим благодетелям, тем самым сохраняя добродетель своих покровителей навсегда (Kalinowski 1996: 193).

Разумеется, фундаментальная проблема сохранения памяти оставалась решающей для патронов зданий в период поздней Античности. Так, Либаний писал о приезде Модеста относительно его строительства портика в Антиохии: «... Можешь ли ты довести до желаемого завершения этот широкий, грандиозный, высокий портик, угодный Дионису, и, тем самым, позволить ему стоять, пока существует человечество, сохраняя имя его строителя» (Lib. Ep., 196.1).

В нескольких письмах Сидония упоминается о строительстве церковных зданий (Sid. Ep., II, 10, V, 8). Так, восьмое послание пятой книги адресовано Секундину, поэту, автору гекзаметров в честь епископа Пацентия, высеченных на стене базилики, построенной последним в Лионе. Речь идет о Базилике Святых апостолов Петра и Павла, построенной в V в. на месте языческого храма⁷. Пацентий был епископом Лиона ок. 450 г., где и возвел упомянутый собор⁸.

Сидоний описывает красоту этого сооружения в десятом письме второй книги (Sid. Ep., II, 10, 3). Базилика несколько раз перестраивалась, в результате самой старой частью сооружения сегодня остается крипта VI в., а более ранние строки Секундина, высеченные на алтаре храма при его постройке в V в., сохранились только в передаче Сидония. В данном письме Сидония представлен также портрет Пацентия, судя по всему, весьма достойного человека, отличавшегося истинно христианским рвением, милосердием к обездоленным и склонностью к аскетизму: «...недавно была построена церковь в Лионе, и успешное завершение *<строительства>* стало *<следствием>* рвения епископа Пацентия; ты знаешь о его святой, напряженной и аскетической жизни, о том, как благодаря своей изобильной щедрости и любви к бедным, он возводит на равную *<своим добродетелям>* высоту храм *<с такой же>* безупречной репутацией...» (Sid. Ep., II, 10, 2).

Именно по просьбе Пацентия Сидоний сделал соответствующую посвятельную надпись, в которой дается описание церкви, возвышающейся во всем ее великолепии, «...с высоко вздымающимся фасадом, смотрящим на равноденствен-

ный восход солнца. Вся наполненная светом изнутри, а позолота кессонного⁹ потолка притягивает золотые солнечные лучи. Вся базилика яркая, декорированная разнообразными сортами мрамора, пол, своды и окна украшены фигурами самого разного цвета, а мозаика цвета весенней зелени окантована смальтой сапфирового оттенка. Вход в тройной портик гордо покоится на Аквитанских колоннах; второй портик подобной конструкции закрывает атриум на дальней стороне, а пространство между ними поддерживается целым лесом колонн...» (Sid. Ep., II, 10, 4).

Информация подобного рода содержится также в переписке Авита. Во вступлении к пятидесятому письму автор извиняется за то, что не смог присутствовать на освящении церкви, которую Аригий восстановил во всем ее великолепии, по видимому, после вторжения врага (Sid. Ep., 50, 1).

Авит вполне мог хорошо знать художественное описание Сидонием церкви Пацентия в Лионе (Sid. Ep. II, 10), поскольку использовал схожие выражения. В другом письме Авит воссоздает церемонию, на которой он не мог присутствовать лично: «...ибо после того, как они осмотрели все части великой конструкции, они непременно бы отметили элегантность форм строения, его гармоничные пропорции, размеры, высоту крыши, прочность основания, а также величину пожертвования, необходимого в связи с большими затратами на строительство» (Avit. Ep., 50, 2).

Из написанной в VI в. эпитафии Венанция Фортуната известно также о строительстве церкви Рурицием Лиможским в честь Св. Августина. Эпитафия посвящена собственно Рурицию и его внуку с таким же именем: «Каждый из них в свое время, верный своему долгу, построил церковь, посвященную святому покровителю, один – в честь Августина, другой – Петра» (Venant. Carm., 6, 5).

Магн Феликс Эннодий, будучи епископом, также совершает ряд действий, не входящих в круг его обязанностей, но объясняемых именно тем, как он понимал свою должность, и являющихся, по сути, христианской благотворительностью. Он организует восстановление разрушенных тицинских церквей, заботится о восстановлении города, договаривается о бесплатном возвращении пленных и об уменьшении налогов для лигурийцев. Ярким примером следует считать и обеспечение пленных воинов Одоакра питанием, кровом, возможно, и лечением. Это было продиктовано, в первую очередь, заботой о родном городе, что становится понятно из текстов Эннодия.

⁷ Позже и ныне Кафедральный собор Сен-Жан или Собор Святого Иоанна Крестителя (фр. Cathédrale Saint-Jean-Baptiste de Lyon).

⁸ Позднее, в VII в. как придел к основному зданию церкви был пристроен баптистерий Св. Иоанна.

⁹ Кессон – многоугольное углубление; кессонный потолок включает поперечные и продольные балки, декорированные орнаментом.

Своей мудрой политикой Епифанию, жизнь которого описывает Эннодий, удается сохранять дружеские отношения с Теодорихом и Одоакром и, тем самым, уберечь родной Тицин от разрушения. К тому же, пользуясь расположением обоих правителей, епископу удавалось договориться об освобождении пленных в ситуациях, когда, как подчеркивает Эннодий, даже золото вряд ли смогло бы помочь (Ennod. Vita Eriph., 114–116) (Сапенко 2016: 87–88).

Таким образом, приведенные нами факты свидетельствуют о сохранении традиции клиентелы в почти неизменном, «классическом», виде. Клиентела в позднеантичный период, по сути, – проявление устойчивого типа социального поведения, выражавшегося в определенной системе социальных действий, цель и содержание которых сохраняли ту же направленность, что и в предшествующее время. При этом круг клиентских связей с конца V – начала VI вв. сузился до границ отдельных территорий бывшего пространства Западной Римской империи и продолжал функционировать в их пределах.

Что же касается эвергетизма, свидетельства позднеантичных авторов иллюстрируют транс-

формацию его античной формы в христианскую благотворительность. Позднеантичный эвергетизм со временем стал проявляться не в виде ярких акций для завоевания популярности у населения, а в виде мероприятий, направленных на улучшение жизни провинции, за духовную жизнь которой отвечал тот или иной епископ, прежде всего, в долгосрочной перспективе. Он терял свою прагматическую составляющую и приближался к благотворительности. Таким образом, в рассматриваемый нами период отмечается амбивалентный характер данного явления: с одной стороны, представители нобилитета, как светского толка, так и в христианском клире, демонстрировали вполне античную тенденцию – совершать благодеяния с целью прославить свое имя и упрочить положение рода; с другой стороны, распространение христианства с его концепцией бескорыстного служения и поддержки нуждающихся ради привлечения новых адептов в лоно Церкви обусловило становление христианской благотворительности, освобожденной от идеи извлечения взаимной выгоды.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 2 Кор.** – Апостол Павел. Второе послание к Коринфянам
Мф. – Евангелие от Матфея
Сир. – Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова
Avit. Ep. – Авит. Письма
Carm. de prov. Div. – Поэма о Провидении Божьем
CSEL – Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinarum
Ennod. Vita Eriph. – Эннодий. Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви
Euch. – Евхаристик
Faust. Serm. – Фавст. Проповеди
Greg. Tur. Hist. Fr. – Григорий Турский. История франков
Lib. Ep. – Либаний. Письма
MGH. AA. – Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi
MGH. SRM. – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum
PL – Patrologia latina
Procop. Deaed. – Прокопий Кесарийский. О постройках
Rur. Ep. – Руриций. Письма
Sid. Ep. – Сидоний. Письма
Symm. Ep. – Симмах. Письма
Venant. Carm. – Венанций Фортунат. Стихи
Vita Caes. – Житие Цезаря Арелатского

ЛИТЕРАТУРА

- Вен П. 2003. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / Пер. с фр. Л.А. Торчинского. М.: Научный мир.
 Коптев А. В. 1995. Сельские патронии и императорская политика во второй половине IV – первой половине VI вв. // От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда: Ардвисура, 100–132.
 Литовченко Е.В. 2015. Особенности клиентских отношений в позднеантичный период (по письмам Сидония) // ИРЭСИОНА. Античный мир и его наследие. Вып. IV: Сб. науч. тр. к 50-летию проф. Н.Н. Болгова. Белгород: ООО «Эпицентр», 158–164.
 Неронова В.Д. 1983. Поздняя Римская Империя (III–V вв.) // История Древнего мира. Упадок древних обществ. М.: Наука, 221–239.

- Сапенко В.Ю.* 2016. Эвергетизм и патронат в сочинениях Магна Феликса Эннодия // Кондаковские чтения – V. Античность – Византия – Древняя Русь / Болгов Н.Н. (отв. ред.). Белгород: НИУ «БелГУ», 84–88.
- Утченко С.Л.* 1993. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 159–174.
- Alcimus Ecdicius Avitus Viennensis episcopo.* Opera quae supersunt. 1883 / Peiper R. (ed.) // MGH. AA. T. VI. Pt. 2. Berlin: Weidmann.
- Andreassen K.A.* 2010. The nature of episcopal authority in fifth-century Gaul. Lake Forest: Lake Forest College.
- Arnheim M.T.W.* 1972. The senatorial Aristocracy in the Late Roman Empire. Oxford: Clarendon.
- Bowersock G.W.* 1986. From emperor to bishop: The selfconscious transformation of political power in the IVth century A.D. // Classical Philology. Vol. 81. № 4, 298–307.
- Breukelaar A.H.B.* 1994. Historiography and episcopal authority in sixth-century Gaul. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Carmen de providential divina.* 1901 // *Molinier A.* Les Sources de l'histoire de France – Des origines aux guerres d'Italie (1494). I. Époque primitive, mérovingiens et carolingiens. Paris: A. Picard et Fils, 44.
- Clark G.* 2011. Late Antiquity: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press.
- Cornell T., Lomas K.* 2002. Bread & Circuses. Euergetism and municipal patronage in Roman Italy. L.; N.Y.: Routledge.
- Ennodius Magnus Felix.* Opera Omnia. 1882 // Hartell G. (ed.). CSEL. Vol. VI. Wien: Vindobonae.
- Fausti Reiensis praeter sermones pseudo-Eusebianos opera. Accedunt Ruricii Epistulae.* 1891 // Engelbrecht A. (ed.). CSEL. Vol. XXI. Wien: Vindobonae, Tempsky.
- Garnsey P., Whittaker C.R.* 2008. Trade, industry and the urban economy. Elite redistribution – liturgies, euergetism and patronage // The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. Cambridge: Cambridge University Press, 330–332.
- Gilliard F.D.* 1984. Senatorial Bishops in the Fourth Century // Harvard Theological Review 77, 153–175.
- Gregorii Turonensis.* Opera Omnia. 1884–1885 // Arndt W., Krush B. (eds.). MGH. SRM. T. 1. Hannoverae: Hannoverae Impensis bibliopolii Hahniani.
- Heather P.J.* 2001. State, lordship and community in the West (AD 400-600) // The Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Cambridge: Cambridge University Press, 437–468.
- Kalinowski A.V.* 1996. Patterns of Patronage: The Politics and Ideology of Public Building in the Eastern Roman Empire (31 BCE – 600 CE). Ottawa: National Library of Canada.
- Keats-Rohan K.S.B.* 2000. Prosopography and Computing: A Marriage Made in Heaven? // History and Computing 12(1), 1–11.
- Lançon B.* 2001. Rome in Late Antiquity. Everyday Life and Urban Change, AD 312-609. N.Y.: Routledge.
- Libanii Opera Omnia.* 1927 / Foerster R. (ed.). Vol. 1–7. Leipzig: Teubner.
- Lizzi Testa R.* 2009. The Late Antique Bishop: Image and Reality // Rousseau Ph. (ed.). A Companion to Late Antiquity. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 525–539.
- Marcone A.* 2008. From patronage to patrocinium // The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. Cambridge: Cambridge University Press, 361–363.
- Martindale J.R.* 1980. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD. 395–527. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mathisen R.W.* 1979. The ecclesiastical aristocracy of fifth-century Gaul: a regional analysis of family structure. Thesis. University of Wisconsin-Madison.
- Mathisen R.W.* 1993. Roman aristocrats in barbarian Gaul: strategies for survival in an age of transition. Austin, TX: University of Texas Press.
- Patzold S.* 2014. Bischöfe, soziale Herkunft und die Organisation lokaler Herrschaft um 500 // Chlodwigs Welt. Organisation von Herrschaft um 500. Stuttgart: Franz Steiner, 523–543.
- Paulinus Pellaeus.* Eucharisticus. 1888 // Brandes G. (ed.). CSEL. Vol. XVI. Poetae Christiani Minores. Pt. I. Wien: Vindobonae.
- Procopius.* Opera Omnia. 1962 // Loeb Classical Library. Vol. VII. De aedificiis. Leningrad: William Heineemann, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Prosopography Approaches and Applications: A handbook (Prosopographica et Genealogica). 2007 / Keats-Rohan K.S.B. (ed.). Oxford: University of Oxford.
- Ruricii Epistularum libri duo.* 1891 // Engelbrecht A. (ed.). CSEL. Vol. 21. Fausti Reiensis et Ruricii Opera. Wien: Vindobonae, 349–442.
- Schlumberger J.A.* 1989. Potentes and potentia in the Social Thought of Late Antiquity // Clover F.M., Humphreys R.S. (eds.). Tradition and innovation in the Late Antiquity. Madison: University of Wisconsin press, 89–104.
- Sidonius Apollinaris.* Epistolae et carmina. 1887 // Luetjohann C., Krusch B. (eds.). MGH. AA. Vol. 8. Sidonius, Faustus, Ruricius. Berlin: Weidmann.

- Symmachi Q.A.* 1883. Quae supersunt // Seek O. (ed.). MGH. Vol. 6. Berlin: Weidmann.
- Venanti Honori Clementiani Fortunati Presbyteri Italici. Opera Poetica.* 1885 // Krusch B., Leo F. (eds.). MGH. AA. Vol. IV. Berlin: Weidmann.
- Vita Caesarii Arelatensis*, by Bishop Cyprian of Toulon and others. 1896 // Krusch B. (ed.). MGH. Vol. 3. Hannover: Hahn, 433–501.
- Winterling A.* 2009. Politics and Society in Imperial Rome. Oxford: Wiley-Blackwell.
- White C.* 2000. Early Christian Latin Poets (The Early Church Fathers). L., N.Y.: Routledge.
- Zuiderhoek A.* 2009. The Politics of Munificence in the Roman Empire: Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press.

REFERENCES

- Veyne P.* Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii [Writing History: Essay on Epistemology / Transl. from French by L.A. Torchinsky]. Moscow: Nauchnyi mir, 2003. (In Russian).
- Koptev A.V.* In: Ot prav grazhdanstva k pravu kolonata. Formirovanie krepostnogo prava v pozdnej Rimskoj imperii [From the citizenship rights to the right of colonatus. Formation of serfdom in the late Roman Empire]. Volgda: Ardivisura, 1995, pp. 100–132. (In Russian).
- Litovchenko E.V.* In: IRESIONA. Antichnyi mir i ego nasledie. Vypusk IV: Sbornik nauchnykh trudov k 50-letiyu prof. N.N.Bolgov [IRESIONA: Antique world and its heritage. Issue IV: Collection of scientific works devoted to the 50th anniversary of Prof. N.N.Bolgov]. Belgorod: OOO “Epitsentr”, 2015, pp. 158–164. (In Russian).
- Neronova V.D.* In: Istoriya Drevnego mira. Upadok drevnih obshchestv [History of the Ancient World. The decline of ancient societies]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 221–239. (In Russian).
- Sapenko V.Yu.* In: Kondakovskie chteniya – V. Antichnost – Vizantiya – Drevnyaya Rus [Kondakov Readings – V. Antiquity – Byzantium – Ancient Rus / Executive editor-compiler by N.N. Bolgov]. Belgorod: NIU “BelGU”, 2016, pp. 84–88. (In Russian).
- Utchenko S.L.* In: Mark Tulliy Tsitseron. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyah [Marcus Tullius Cicero. On Moral Duties. On Old Age. On Friendship.]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 159–174. (In Russian).
- Alcimus Ecdicius Avitus Viennensis episcopo.* Opera quae supersunt // Peiper R. (ed.) // MGH. AA. Vol. VI, Pt. 2. Berlin: Weidman, 1883.
- Andreassen K.A.* The nature of episcopal authority in fifth-century Gaul. Lake Forest: Lake Forest College, 2010.
- Arnheim M.T.W.* The senatorial Aristocracy in the Late Roman Empire. Oxford: Clarendon, 1972.
- Bowersock G.W.* In: Classical Philology. Vol.81, No. 4 (1986): 298–307.
- Breukelaar A.H. B.* Historiography and episcopal authority in sixth-century Gaul. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994.
- Carmen de providential divina. *Molinier A.* Les Sources de l'histoire de France – Des origines aux guerres d'Italie (1494). I. Époque primitive, mérovingiens et carolingiens. Paris: A. Picard et Fils, 1901, p. 44.
- Clark G.* Late Antiquity: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Cornell T., Lomas K.* Bread & Circuses. Euergetism and municipal patronage in Roman Italy. L.; N.Y.: Routledge, 2002.
- Ennodius Magnus Felix.* Opera Omnia. // Hartell G. (ed.). CSEL. Vol. VI. Wien: Vindobonae, 1882.
- Fausti Reiensis praetersermones pseudo-Eusebianos opera. Accedunt Ruricii Epistulae// Engelbrecht A. (ed.).CSEL. Vol. XXI. A. Wien: Vindobonae, Tempisky, 1891.
- Garnsey P., Whittaker C.R.* In: The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp. 330–332.
- Gilliard F.D.* In: Harvard Theological Review. Iss. 77 (1984): 153–175.
- Gregorii Turonensis.* Opera omnia // Ed. by Arndt W., Krush B. MGH. SRM. Vol. 1. Hannoverae, 1884–1885.
- Heather P.J.* In: The Cambridge Ancient History Cambridge: Cambridge University Press, Vol. XIV (2001): 437–468.
- Kalinowski A.V.* Patterns of Patronage: The Politics and Ideology of Public Building in the Eastern Roman Empire (31 BCE – 600 CE). Ottawa: National Library of Canada, 1996.
- Keats-Rohan K.S.B.* In: History and Computing. Vol.12, Iss. 1 (2000): 1–11.
- Lançon B.* Rome in Late Antiquity. Everyday Life and Urban Change, AD 312–609. N.Y.: Routledge, 2001.
- Libanii Opera Omnia / Foerester R. (ed.). Vol. 1–7. Leipzig: Teubner, 1927.
- Lizzi Testa R.* The Late Antique Bishop: Image and Reality// Rousseau Ph. (ed.). A Companion to Late Antiquity. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2009: 525–539.
- Marcone A.* In: The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp. 361–363.
- Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Mathisen R.W. The ecclesiastical aristocracy of fifth-century Gaul: a regional analysis of family structure. Thesis. University of Wisconsin-Madison, 1979.

Mathisen R.W. Roman aristocrats in barbarian Gaul: strategies for survival in an age of transition. Austin, TX: University of Texas Press, 1993.

Patzold S. In: Chlodwigs Welt. Organisation von Herrschaft um 500. Stuttgart: Franz Steiner, 2014, pp. 523–543.

Paulinus Pellaeus. Eucharisticus // Brandes G. (ed.). CSEL. V. XVI. Poetae Christiani Minores. Pt. I Wien: Vindobonae, 1888.

Procopius. Opera Omnia. Loeb Classical Library. Vol. VII. De aedificiis. Leningrad: William Heinemann, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1962.

Prosopography Approaches and Applications: A handbook (Prosopographica et Genealogica) / Ed. by Keats-Rohan K.S.B. Oxford: University of Oxford, 2007.

Ruricii Epistularum libri duo // Ed. by Engelbrecht A. CSEL Vol. 21. Fausti Reiansiset Ruricii Opera. Wien: Vindobonae, 1891, 349–442.

Schlumberger J.A. In: Tradition and innovation in the Late Antiquity / Clover F.M., Humphreys R.S. (eds.). Madison: University of Wisconsin Press, 1989, 89–104.

Sidonius Apollinaris. Epistolae et carmina // Luetjohann C., Krusch B. (eds.). MGH AA. Vol. 8. Sidonius, Faustus, Ruricius. Berlin: Weidmann, 1887.

Symmachi Q.A. Quae supersunt // Seek O. (ed.). MGH. Vol. 6. Berlin: Weidmann, 1883.

Venanti Honori Clementiani Fortunati Presbyteri Italici. Opera Poetica. 1885 // Krusch B., Leo F. (eds.). MGH. AA. Vol. IV. Berlin: Weidmann.

Vita Caesarii Arelatensis, by Bishop Cyprian of Toulon and others // Krusch B. (ed.). MGH. Vol. 3. Hannover: Hahn, 1896, pp.433–501.

Winterling A. Politics and Society in Imperial Rome. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

White C. Early Christian Latin Poets (The Early Church Fathers). L.; N.Y.: Routledge, 2000.

Zuiderhoek A. The Politics of Munificence in the Roman Empire: Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2009.

E.V. Litovchenko, S.V. Shilina

Belgorod, Russia

PATRONAGE AND EUERGETISM IN LATE-ANTIQUITY SOCIETY (BASED ON THE WORKS OF THE 5th – FIRST HALF OF 6th CENTURIES)

Abstract. This paper deals with two phenomena of the Late Antique society such as patronage and euergetism. Facts testifying to the continuity of patronage relations in the Late Antique period have been analysed in the article. The authors reveal particular characteristics and dynamics of the “euergetism” phenomenon and, based on the works of the Latin West writers of the 5th – first half of the 6th centuries, determine the correlation of these two phenomena. The “patron-client” relations are described in the article, the rights and obligations of both parties are listed and specific examples of services provided to clients are given. The definition of the “euergetism” phenomenon is given in the research and characteristic features, which distinguish it from the patronage, are revealed. Unlike patronage, euergetism is not reciprocal i.e., in fact, this phenomenon resembles very closely charity. According to the considered facts and specific examples from the Late Antique writers, authors of this paper have come to the conclusion that the tradition of clientelism has remained almost unaltered in its “classical” form, while the “euergetism” phenomenon has transformed from its ancient form into Christian charity.

Key words: patronage; euergetism; patron; client; aristocracy; Late Antiquity; charity.

About the authors: Elena Viktorovna Litovchenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of General History¹; Sofia Viktorovna Shilina, post graduate student at the Department of General History².

Place of employment: ^{1,2}Belgorod State National Research University.

Литовченко Е.В., Шилина С.В. Патронат и эвергетизм в позднеантичном обществе (по материалам сочинений авторов V – первой половины VI вв.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 103–113.

Litovchenko E.V., Shilina S.V. Patronage and Euergetism in Late Antique Society (Based on the Works of 5th –first half of 6th centuries) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 103–113.
